

А.В. Морохин. Великая княгиня Наталья Алексеевна (1755–1776). СПб.: Алетейя, 2013. 256 с.

За последние годы из исторического небытия извлечено уже немало имён забытых и незаметных персонажей прошлого, что свидетельствует об осознании в научной среде острой актуальности проблемы «людей во времени», акцентированной ещё М. Блоком в качестве доминанты развития «ремесла историка». Среди удачных примеров можно назвать инициированную историками Ростова-на-Дону разработку исследовательского концепта «человек второго плана в истории». Биографическая история испытывает в наши дни историографический подъём, который объясняется «общим изменением отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории»¹.

Биографический жанр напрямую связан с антропологией прошлого, что позволяет рассмотреть конкретную личность в деталях. Одновременно история различных общественно-политических институтов, социальных групп или идеологических течений в биографии предстаёт через множество оттенков личностного колорита. Научная не-строгость популярного жанра даёт возможность автору рассуждать не только о перипетиях высокой политики, но также об обыденных ситуациях из жизни известных исторических деятелей. На страницах жизнеописаний они, полностью сохраняя своё собственное «я» «монархов», «наследников», «сановников», погружаются в рутину домашних дел и забот. В результате повседневная история органично дополняет социально-политическую и формирует более целостный и адекватный образ прошлого.

Новая монография известного нижегородского историка А.В. Морохина обладает всеми необходимыми достоинствами историко-биографических сочинений. Она лежит в русле приоритетов современного историописания, пережившего за последние десятилетия немало методологических «поворотов» (антропологический, культурный, лингвистический и т.п.). Достоинством монографии является свободная, легкая манера изложения материала. Перед читателем предстаёт

не сухая хроника поочерёдно происходивших внутри- и внешнеполитических событий, а эмоционально окрашенная галерея живых людей в широком диапазоне их субъективных проявлений. Здесь, например, можно узнать не только о наследнике престола, но о муже, с отроческих лет боявшемся стать рогоносцем, который в «галантный» XVIII в. оказался помимо воли втянут в любовный треугольник, а также о не сбывшихся надеждах и предательстве друзей, или о привередливой свекрови, решительно отчитывающей свою расточительную невестку. Всё это происходит на фоне «большой» истории сложных дипломатических отношений, внутренних общественных потрясений, закулисных интриг придворных партий в борьбе за сферы влияния, когда институт фаворитизма проник во все поры государственного организма.

Среди участников человеческой драмы, разворачивающейся на страницах книги, знакомые имена екатерининских вельмож, иностранных дипломатов и других современников. Однако центральное место в монографии отводится малоизвестной даже профессиональным историкам фигуре Гессен-Дармштадтской принцессы Вильгельмины, которая в 1773 г. под именем вел. кн. Натальи Алексеевны была выдана замуж за наследника престола цесаревича Павла Петровича. Её биография реконструируется на основе впервые введённых в научный оборот архивных источников.

По признанию автора, Наталья Алексеевна «является одним из самых загадочных и малоизученных персонажей Российского императорского дома» (с. 5). Впрочем, удивляться слабой осведомлённости историков об этой «личности, ничем не прославившей Россию» (с. 5), не приходится, поскольку и самому Павлу I в исторических трудах до недавних пор почти не уделялось внимания. Даже сегодня не удаётся полностью преодолеть стереотип о нём как сыне своего отца, унаследовавшем личностные пороки и дурные наклонности родителя. Историкам ещё только предстоит очистить па-

мать о Павле от наслоений исторической пристрастности и тенденциозности.

Путь, по которому пошёл А.В. Морохин, потенциально следует признать одним из самых многообещающих. Автор попытался «погрузить» недооценённую современниками и потомками личность Павла в круг близких ему людей, среди которых на особом положении находилась его первая жена Наталья Алексеевна. Удачным авторским приёмом следует считать смену ракурса для рассмотрения их в системе непростых внутрисемейных отношений. До сих пор имя Натальи Алексеевны если и упоминалось время от времени, то преимущественно в трудах, посвящённых Павлу I. В рецензируемой же работе «божественной и обожаемой» женщине (с. 52) отдан приоритет, она показана как источник великокняжеского вдохновения и важная причина формирования специфического темперамента, наклонностей и особенностей характера цесаревича. Как справедливо полагает автор, душевная рана Павла, нанесённая ранней смертью супруги и смутными обстоятельствами её адюльтера с гр. А.К. Разумовским, «оставила глубокий отпечаток в его дальнейшем поведении», он «окончательно сделался мизантропом», что вполне объясняет его будущую «патологическую подозрительность и эксцентричное поведение» (с. 250).

Представленные в монографии документированные свидетельства о российском периоде жизни Натальи Алексеевны позволяют также разглядеть незнакомые прежде черты в привычном облике самой Екатерины II. Перед читателем предстаёт не просто Северная Минерва, но лишь выглядящая заботливой суровая мать, или едва скрывающая своё недовольство свекровь, а также властительница, не терпящая даже тени намёка на возможность политического соперничества со стороны «партии наследника», тем более в лице невестки. Причём, как явствует из текста, Высочайшие подозрения в её адрес не были беспочвенными. По мнению А.В. Морохина, стремившаяся казаться императрице и окружающим «особой легкомысленной и сентиментальной», цесаревна едва ли играла в «партии» Павла роль «первой скрипки», но в то же время «держала су-

пруга под каблуком» и тяготилась пассивной ролью мужа в государственных делах (с. 147–148). Порой она надолго «исчезает» из повествования и оказывается словно бы за кулисами судьбоносных событий, вершившихся совсем другими людьми. Наталья Алексеевна намеренно вводится биографом в круг множества разменных фигур в руках искущённых игроков на большой «шахматной доске» европейской политики. И всё же она не выглядит марионеткой в игре чужих амбиций, у неё имеется свой самолюбивый и честолюбивый характер, ничто человеческое ей не чуждо, в том числе нежная любовь и дружеская привязанность.

Ближе узнавая личность Натальи Алексеевны, начинаешь вслед за автором сомневаться в справедливости приписываемого ей стремления стать актором истории, «совершить революцию», «добиться власти» для мужа и тому подобных намерениях (с. 5). В противовес необоснованным упрекам она оказывается просто человеком, юной девушкой, мечтающей не казаться, а быть, создать свой собственный маленький, уютный мир и спокойно в нём существовать. В таком образе Наталья Алексеевна может быть интересна не просто в качестве выгодного фона для первых лиц «большой» истории, но и сама по себе. Она – достойная представительница «семейства Дармштадтского», «ум и дарования» (с. 8) которого были широко известны тогдашнему просвещённому европейскому обществу, человек, положивший начало «тесным связям России и этого небольшого германского государства» (с. 251), одна «из тех героинь, которых так и не смогли до конца понять ни современники, ни потомки» (с. 251), имевшая стойкую репутацию «ветреной особы» (с. 164).

Казалось бы, не так уж и мало для человека, прожившего в России лишь около трёх из отведённых ей судьбою чуть более 20 лет. И тем не менее великая княгиня, «ни слова не понимавшая по-русски» (с. 191), не желавшая знакомиться с особенностями национальной культуры, скучавшая в Москве «по привычному петербургскому укладу жизни с его балами, маскарадами и театральными постановками» (с. 193), «произвела гнетущее впечатление на мест-

ную публику» (с. 191). Множество уничтожительных свидетельств, содержащихся в книге, открывали перед А.В. Морохиным хорошую перспективу – на примере немецкой принцессы показать столкновение различных культурных традиций. Но, к сожалению, эти возможности были сознательно проигнорированы автором, видимо, не захотевшим усложнять изящный слог теоретическими конструкциями.

Уделяя внимание биографическим подробностям жизни Натальи Алексеевны, А.В. Морохин не ограничивается простой констатацией, но показывает их историческое смыслополагание. Приведённые данные фактически поднимают ещё один существенный для гуманитаристики вопрос о роли личности в истории, которая в предшествующей историографии явно недооценивалась. Например, советские учёные считали, что «герой» истории имеет значение только «как “представитель” “боярской оппозиции” или “посадского люда”, “барокко” или “романтизма”». То же, что делает его отличным от таких же “представителей” этой же категории, находится вне исторической науки и в лучшем случае может быть отдано специалистам по психопатологии или вписано в туманную область “индивидуальных особенностей”².

В этой связи примечательно, что, отступая от прежних шаблонов, автор не пытается подвести свою героиню под какой-либо распроstrанённый при екатерининском дворе типаж, но изображает её личностью во многом незаурядной, так сказать, эксклюзивным продуктом времени со всеми достоинствами и недостатками её противоречивой натуры. Признание им этих обстоятельств фокусирует исследовательский интерес на человеческой субъективности и исторической случайности, которые в изучаемой биографии зачастую приобретают ключевое значение. Иными словами, монография, хотя и не намеренно, подводит нас к вопросу о контрфактическом моделировании, давно уже провозглашенном двумя эссе историка А.Дж. Тойнби³.

На мой взгляд, А.В. Морохин напрасно уклонился от специального обсуждения этой темы, хотя основания для неё имелись. Обращаясь к реальной действитель-

ности прошлого, нельзя считать, будто бы самой судьбой Вильгельмина изначально была «обречена» стать женой наследника российского престола. Напротив, «поиски невесты на дорогах Германии» (с. 22) вполне могли закончиться выбором иной кандидатуры. В качестве потенциальных претенденток рассматривались, например, Луиза Саксен-Готская, София-Доротея Вюртембергская, и даже сёстры счастливой избранницы – принцессы Амалия и Луиза. Всякий раз их выдвижению на ведущие позиции мешало какое-нибудь не слишком значимое в историческом масштабе обстоятельство – личный каприз, недостаток физической красоты, юный возраст и т.п.

Не готов целиком разделить категоричность автора, полагающего, будто история не знает сослагательного наклонения, а потому абсолютно уверенного, что в любом случае Наталья Алексеевна «вряд ли стала бы “философом на троне”» (с. 251). Автор, скорее всего, прав относительно перспектив великой княгини. Но в России XVIII столетия для успешной реализации себя во власти столь высокие достоинства совсем не требовались, тем более в эпоху «женского царства». Нет никакой необходимости любого претендента у подножия престола измерять по «лекалу» Екатерины II, в которой спустя три года после появления в России тоже лишь при большом желании можно было усмотреть задатки будущего адресата писем Вольтера, Д. Дидро или М. Гримма. Рассуждать задним числом, когда прошедшие события хорошо известны исследователю, намного проще, нежели анализировать не реализовавшиеся варианты истории. Но последнее также является насущной историографической задачей.

Интересно и немаловажно, что изменилось бы в жизни Павла, петербургского двора, всей страны, окажись его невестой не Вильгельмина, а, допустим, принцесса Луиза-Августа Гессен-Дармштадтская, также побывавшая на смотрах в России. Впоследствии она заслужила высокую репутацию при Веймарском дворе, который не без оснований называли «германскими Афинами». В том числе её стараниями этот немецкий городок превратился в центр духовной жизни и место пребывания поэтов,

философов и музыкантов. Точных ответов мы не узнаем никогда, однако очевидно, что судьбы членов семьи Романовых и траектории государственного развития в этих гипотетических обстоятельствах могли сложиться по-иному, по крайней мере, в формате микроистории.

Но Высочайший выбор пал на Вильгельмину, и вскоре ещё одна историческая случайность усугубила предыдущую. Имеется в виду пресловутое «искривление стана» Натальи Алексеевны как следствие того, что «за ней недосмотрели в молодых летах», отдав для выпрямления спинных позвонков в руки какого-то неграмотного эскулапа (с. 229). К этому добавились «анатомические особенности тазобедренного сустава» (с. 222), осложнявшие возможность родов. Не являясь знатоком в вопросах акушерства и гинекологии, всё же не сомневаюсь, что вовремя диагностированная неспособность её к деторождению стала бы препятствием на пути к заключению брака с будущим российским императором. В России с давних пор именно в «чадородии» заключался главный, основной смысл «царственного положения» супруги венценосца⁴.

Поскольку же Наталья Алексеевна «не могла иметь живого ребенка» (с. 223), в любом случае «пришлось бы, не смотря ни на что, разлучить её с великим князем» (с. 234). Приводя подобные свидетельства современников, автор, помимо собственного желания, показывает, как одна случайность тянет за собой другую, и жизнь императорского двора оказывается простой результирующей их комплексного воздействия. Впрочем, согласно А.Я. Гуревичу, из того, что мы именуем случайностями, складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития бесчисленных, а потому никогда не устанавливаемых полностью случайных воль, поступков и событий⁵. Достаточно спорное, хотя и распространенное в литературе мнение авторитетного историка о случае как «разменной монете закономерности». Согласившись с ним, следовало бы признать и всё произошедшее на страницах биографии фатально неизбежным. Однако знакомство с текстом книги приводит к противоположному выводу.

Согласно «законам жанра», историческая биография должна заканчиваться смертью героя. Великая княгиня Наталья Алексеевна «в Высочайшем Ея Императорского Величества присутствии» (с. 215) скончалась 15 апреля 1776 г. на двадцать первом году жизни.

Однако, сообщив об этом прискорбном событии, историк не прекращает своего повествования. Произошедшая трагедия послужила ему поводом для настоящего детективного расследования с «опросом свидетелей» на основании исторических источников. А.В. Морохин правомерно ставит вопрос о мотивах («кому выгодно?»), тщательно рассматривает и затем отвергает разные варианты. В том числе популярную в народной среде, а также в дипломатических кругах того времени версию «о роли великодержавной свекрови в смерти её совсем ещё молодой невестки» (с. 227). На основе экспертных медицинских заключений истинной виновницей гибели Натальи Алексеевны биограф признает её собственную мать. Боясь расстроить брачные перспективы, ландграфиня Генриетта-Каролина Гессен-Дармштадтская скрыла «серьёзный физический недостаток принцессы», и, «желая семейного счастья своей дочери, невольно способствовала и её преждевременной смерти» (с. 230). Обвинения же в адрес императрицы были дезавуированы автором монографии, хотя о полной реабилитации говорить не приходится, тем более что «о смерти невестки Екатерина II не горевала» (с. 233).

Недолго печалился и овдовевший наследник, познакомившийся с интимной перепиской жены и своего друга гр. А.К. Разумовского. Очень скоро Павлу нашли новую супругу, и этот брак «оказался вполне благополучным, счастливым и многодетным» (с. 240). Несколько человек, близких к умершей великой княгине, попали в опалу, а о самой цесаревне предпочли прочно забыть. Sic transit Gloria mundi, приходит к выводу учёный, именно так назвав главу о смерти и погребении Натальи Алексеевны, чей образ и судьба навсегда остались в тени великих людей и событий прошлого.

Книга А.В. Морохина замечательна сочетанием сразу нескольких достоинств.

На основе новых источников она восполняет ценными сведениями некоторые пробелы из повседневной жизни императорского двора Екатерины II. Восстанавливая вехи биографии первой жены Павла Петровича, книга даёт возможность по-иному увидеть события внутренней и внешней политики, а знакомые персонажи екатерининских сановников предстают в более объёмном изображении. Стоит признать, что без этого первого в отечественной историографии научного исследования о пребывании немецкой принцессы в России наши знания об истории XVIII столетия были бы намного скуднее.

В.Я. Мауль

Примечания

¹ *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2001. С. 289.

² *Лотман Ю.М.* Клио на распутье // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 466.

³ *Тойнби А.Дж.* Если бы Александр не умер тогда... // *Знание-сила.* 1979. № 12. С. 39–42; *он же.* Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // *Знание-сила.* 1994. № 8. С. 60–65.

⁴ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 129.

⁵ *Гуревич А.Я.* Общий закон и конкретная закономерность истории // *Вопросы истории.* 1965. № 8. С. 26–29.

Л.Ф. Писарькова. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Первая четверть XIX в., по времени совпавшая с правлением Александра I, стала периодом активизации реформаторских замыслов и существенных изменений в социально-политической сфере, особенно – в государственном управлении, где преобразования охватили буквально все звенья сложного административного механизма самодержавия. Именно этим процессам посвящена новая книга Л.Ф. Писарьковой, принадлежащей к числу ведущих современных исследователей бюрократической системы досоветской России.

Институционально-хронологический подход, обеспечивающий композиционное единство монографии, позволил автору остановиться на наиболее важных этапах развития государственно-правовой мысли первой четверти XIX в. Л.Ф. Писарькова скрупулёзно проанализировала проекты реформ как устройства империи в целом, так и отдельных частей правительственного аппарата. В книге показано отношение к преобразованиям приверженцев различных политических взглядов в среде высшей бюрократии, а также самого Александра I.

Л.Ф. Писарькова размышляет о причинах и движущих мотивах реформаторской деятельности императора и его при-

ближённых, отмечая, что «не учреждения, а доверенные лица по-прежнему играли решающую роль в управлении страной» (с. 19). Действительно, как и раньше, именно близость к царю и его доверие, а не занимаемый пост, чин или статус определяли степень влияния сановника на принятие решений: «Личные связи и отношения по-прежнему стояли выше закона, и “человеческий фактор” в значительной степени корректировал применение законодательных норм» (с. 105). Тем не менее Л.Ф. Писарькова склонна видеть в проектах реформ, составившихся при Александре I, попытку отхода от традиций самодержавия и стремление привнести в его административную практику либеральные, конституционные черты. Она прямо пишет, что Александр I мечтал о введении конституции, разработка которой велась в 1804–1805 гг. (с. 159). При этом исследовательница уделяет большое внимание характерным для самодержавной монархии механизмам обсуждения намеченных преобразований (записки привлечённых к их подготовке лиц, рабочие совещания сановников), а также наиболее значимым предложениям, перспективным идеям и теоретическим соображениям, возникавшим при их рассмотрении.